

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor
Miguel Kireeff
Monroe 4329

1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXVI, Buenos Aires, sabado 26 de noviembre de 1983

Буэнос Айрес, суббота 26 ноября 1983

N° 1740

МЫСЛИ В СЛУХ

Альваро Рамирес Арандигойен, автор брошюры “Традиция и современный мир”, утверждает, что “Модерная Революция распространяется по всему миру, уничтожая на своем пути всякую традицию на земле. Это значит, что противоречие между Революцией и Традицией не исчерпывается в исторических границах христианства — хотя мы знаем, что в них находится ее ядро и истоки — но что это противоречие задает все религии и культуры земного шара”.

Согласно этому автору, “Модерная Революция” начинается с оставления созерцательного отношения к объективному миру, за которым следует переход к субъективному рационализму. “Таким образом мир превращается в мир выдуманный, в мир, который человек находит в самом себе, в своем отступлении от созерцания”. Этот отход начинается с того момента, когда “диалектический рассудок, под знаком схоластики, начинает свое наступление — в ущерб культуре, символик и созерцательности. Это и была та глубочайшая революция, без которой было бы невозможно развитие современной науки”. И “наконец, когда Декарт произносит свое знаменитое Cogito, ergo sum (думаю, значит существую), это значит, что переключается в обратном порядке категории человеческой мысли и духа... и что мир начинает быть открываем и создаваем, исходя из абсолютной человеческой субъективности”.

“Ум уже не находит своего высшего назначения в интимном познании объективности, при помощи символического языка, для того, чтобы идти до созерцательности метафизической действительности мира. Наоборот, ум подчиняется рассудку, который постоянно редуцирует действительность до границ того, что может выразить рациональный силлогизм”.

В конечном итоге, “сегодня всюду укоренились полностью деградированные представления о науке, мудрости и уме. В общем эти слова оказались связанными с понятиями аккумуляции и систематизации эмпирических данных, полученных с помощью чувствительного опыта... В этом явлении скрывается один из отличительных признаков современного материализма.

Этот процесс ведет затем, к подмене всего качественного количественным, а, — в следствие этого — и к стремлению всеобщего социалистического уравнения, с упразднением всякой дифференциации. Что, согласно Шафаревичу, и есть путь к смерти.

И. А.

Г. М. МОИСЕЕВ

ПРАВДА-МАТКА

О НЕБХОДИМОЙ ТРОПИНКЕ НА ВОСТОК

Несомненно одной из самых деловых статей затрагивающих монархическое движение российского рассеяния является статья О. Бартечева, помещенная в № 1721 “Нашей Страны” под заглавием “Маленькие тропинки к великой цели”. Нельзя не согласиться с его анализом власти от Бога. Он также совершенно верно подчеркивает, что свершившееся в 1613 году не может повториться. Бартечев пишет: “Пропаганда монархической идеи должна зиждиться на жизненных и общепонятных формулировках”. С этим тоже спорить нельзя. Но дальше: “все пункты и параграфы программ написанных в эмиграции будут разбиты действительностью при вступлении на российскую землю”. Конечно и это правильно сказано. Но здесь не досказал наш милый Бартечев, что все пункты и параграфы монархической пропаганды надо прежде всего доставить домой, еще до того, как мы вернемся домой. А принимая во внимание состояние нашей “пропагандной машины”, нам не остается ничего другого как работать тихой сапой. Ни у нас центра нет, ни у нас общей монархической целеустремленности нет. Наша замечательная пропагандная машина сводится к двум, трем печатным национально-патриотическим изданиям и очень тонкой прослойке редких русских патриотов типа Г. Лукина, Н. Петлина, Н. Протопопова и им подобных россиян.

В первые месяцы войны 41 года мы пошли в Россию, вслед за немцами, вопреки немецкому надзору и понесли с собой идею Белой России. И это было воспринято как жаланная, помстине общероссийская мечта. Никакие энтезсовские листовки (которые пишущий эти строки тоже тащил в своем рюкзаке в те далекие годы) не имели такого эффекта, как именно Белая Идея, как наличие Белых офицеров так или иначе попавших на восточный фронт. Никакие идеологии не были настолько привлекательны российским массам, как идея возрождения Русской Армии. Еще в июле 43-го года в Киеве стояли тысячи добровольцев, желающих записаться в Русскую Армию, когда разбежался слух, что на Большой Подвальной будут набирать в Белую Русскую Армию. Мало того, на участках Коростеня, Бахмача, Нежина, вдоль до самой Шепетовки, где царили партизаны, рвавшие длинные составы немецких и беженских поездов, все время появлялись от них связные желающие узнать где

Русская Армия и уверяющие, что Белую Русскую Армию они трогать не будут.

Однако, если в те годы еще было много живых свидетелей былой красоты и величия России, то теперь их осталось — как кот наплакал.

Идею монархии, конечно, надо распространять везде и всюду, но это тесно связано с наличными возможностями. Нужны время и соответствующая логистика. А если время у нас есть, то логистики нет вообще никакой. Бартечев пишет об общепонятных формулировках — но кроме солоневических пока у нас ничего другого не намечается.

О какой вообще будущей России мы говорим? О царской? Вот так сразу и появится эта царская Россия? Или это будет как-то иначе? Или мы говорим о Белой России с переходным периодом военной власти, когда эти самые формулировки определяются талантливыми людьми в самой стране на базе монархии, без республиканских и демократических утопий? Бартечев правильно отметил, что правде надо в глаза смотреть. Вот давайте и посмотрим.

“Создание общего монархического центра”. Боже мой! Какие люди были в эмиграции до Второй Мировой войны, какие авторитеты, какие знатоки, какие монархисты, сколько было съездов, сколько усилий было сделано в этом направлении... и ничего не вышло! Почему же считать, что теперь выйдет? А может быть там, в России, на местах больше монархистов, чем мы гут полагаем, может и генералы вовсе не собираются тушить монархические искорки, а даже наоборот, сами этому правому делу готовы помочь? Может нам именно и надо обратить наше внимание на обработку генералов и маршалов?

Трудно ожидать, чтобы “маршал Митрофанов” устанавливал монархию. Но если при нем будут три-четыре года спокойного развития духовной и экономической жизни страны, то, я уверен, через пару лет сама Россия призовет монарха, как единственное правильное решение для нашей государственности. Другого выхода нет и не будет. При любом другом предложении будет балаган, резня, неописуемый кавардак. А для того, чтобы их не было нужна сильная, вне-партийная власть.

И уж если режим правду-матку, то да будет мне разрешено привести вопрос русского морского офицера с советского корабля, который хорошо отнесся к идеи монархии в Рос-

сии, но спросил: “А почему я должен быть связан присягой триста лет тому назад живших людей?” Таких вопросов будет много. Какие же на них должны быть ответы?

О. Бартечев пишет, что в 1613 году боярство сразу же явилось оплотом монархии. Совершенно правильно. Ну, а где же наше боярство сегодня? Нет такого. Кто же будет оплотом монархии в первые ее годы, или вообще оплотом Белой Власть? Энтезсовская солидарность? Или кто? Ясно, что единственным оплотом монархии будет армия. Сильная рука армии. Если хотите — казачья сотня на разъезде.

Маленькие тропинки, о которых так хорошо пишет Бартечев должны вести к идее Белого Царя. Но массам еще надо очень многое и объяснить и показать. А для этого нужно время, нужна возможность, нужна реальная обстановка. И еще надо прибавить, что если в 1613 году все основывалось на исключительном восприятии православия, как единственной и высшей нравственности, то сегодня этот вопрос гораздо сложнее и его анализ не может обойтись, например, без миллионов магометан, населяющих территорию российского государства.

Опять-таки прав Бартечев, когда он пишет, что в 1613 году народ и не мыслил иного строя. А сегодня? “Благодетели” могут на такое настраивать, что всем чертям тошно станет. Кто же станет на пограничных заставах, кто недопустит до самопроизвола, кто ограничит возмездие личного и общего порядка, кто направит всю освободившуюся силу нации в надлежащее ей создающее русло? Кто? Теоретики? Либералы? Демократы? Республиканцы? Плюралисты? Ясно, что сей гордый узел можно только разрешить Вооруженными Силами свободной России — до тех пор, пока сама нация не решит свое государственное будущее. А если еще принять во внимание и ту смертельную опасность, которая со стороны Запада всегда нависала и нависает над Россией, то сразу видно, что только Армия может дать нужные гарантии и нужную опеку от “благодетелей” Запада. А посему “маленькие тропинки” должны прежде всего нести идею Белого Царя в Армию. Все остальное бледнеет в сравнении с этой неотложной, необходимой обязанностью каждого русского патриота.

Г. М. МОИСЕЕВ

АНАТОЛИЙ БОР

Жуковский — друг царей

Ушедшей матери посвящаю.

Как поэт, Василий Андреевич Жуковский, призывавший в своем знаменитом произведении поднять кубок за Царя

Цвети твоя держава,
Священный трон твой нам алтарь;
Пред ним обет наш: слава.

хорошо известен. Но его религиозные высказывания в прозе посвященные христианскому мироощущению, высказывания человека, который был другом царей Александра Первого, Николая Первого и Александра Второго — замолчаны. Советские издания их просто не включают. А тем временем, тихим смиренным веет от таких его статей как "Взгляд на землю с неба": "В минуту разлуки с жизнью они узнают и тайну смерти. Она является им уже не страшилищем, губителем настоящего и будущего, а ясным воспоминанием минувшего, которое с ними вместе вылетает из праха, ясный товарищ новой жизни".

Размышляя о надежде окрыляющей и монарха и пахаря; и кормчего корябля и нищего, поэт восклицает: "О, надежда, усладительница наших горестей, сопутствуй мне на мрачном пути этой жизни, сопутствуй до того времени, когда ангел смерти отворит таинственные врата вечности, примет меня из объятий твоих, и на крыльях бессмертия понесет в лучший блаженный мир".

Только истинный христианин может так спокойно воспринимать сам факт неизбежности смерти. Смерть, по мысли Жуковского есть тропы в царство истины... Смерть есть путь в сию вечно блаженную страну... Кто всех любил, как братьев своих, всем по возможности старался делать добро, тому нечего бояться. Смерть для него будет торжество, а гроб лестница к небу" ("Мысль при гробнице", 1797 год). Нельзя не удивиться тому, что эти глубокие мысли возникают в уме четырнадцатилетнего отрока!

Но может быть самые сокровенные мысли о вере высказаны Жуковским в статье "О внутренней христианской жизни". Статья является кратким пересказом книги Жана Береньера Лувиньи "О тайной жизни со Христом в Боге". Лувиньи — французский дворянин древней нормандской фамилии — жил в 17 веке. Популярность его книги была необычайной: за один год она выдержала 12 изданий и было раскуплено более 30.000 экземпляров.

Как и в стихотворных переводах, так и в переводе прозаическом Жуковский остается на высоте оригинала. Он не цитирует, а пересказывает Лувиньи, вплетая в этот пересказ иногда и блестящие собственные мысли. Вот некоторые из них:

"Утрачивая своих милых, мы только передаем их лучшему; за них мы радуемся, за себя плачем, но плачем на груди Отца Небесного, Который облакая лицо их гробовым покровом, тем самым разоблачает для нас отеческое лицо Свое. Никому не дано постигнуть цели наших земных страданий; но каждый может постигнуть, что они от Бога, который всемогущ, следственно источник одного только блага. Наше дело только в

знании, что все — Его воля и есть благо. Понимать ее мы не можем, и не должны заботиться о невозможном. Одного душа не позволяй себе: ропота и отрицания. Это бедствие не от Бога. Что такое присутствие Божие? Что такое соединение души с Богом? На эти вопросы почти так же трудно ответить, как на вопрос: что такое Бог? Это не есть мысль — всякая мысль выражается словом внутри души и получает определенный духовный образ: как же втиснуть в границы слова — Бога и Его присутствие? Это не есть чувство — в самом нежном чувстве есть нечто материальное, то есть нечто непосредственно привязывающееся к какому-нибудь осязательному предмету, или из него истекающее. Что же оно такое, если не мысль и не чувство? Я бы сказал: уничтожение того и другого, чистое ощущение своего духовного бытия, вне всякой ограничивающей его мысли, без всякого особенного и его стесняющего чувства, а просто душа в полноте своего бытия, следственно душа в Боге, ибо Он есть верховное бытие, а душа непосредственно из него истекает. Такое бытие есть синоним смерти, истребляющей в бытие все недуховное. Мы можем иметь только мгновения такого бытия, несовместного с земною жизнью; но сии мгновения суть мгновения вечные, обхватывающие временное и ему дарующие неизменяемую божественность, истребляя в нем мало по малу все изменяющееся, житейское; сие состояние, в котором душа чувствует свое чистое бытие, или себя в присутствии Бога, может быть постоянным для тех, в которых совершилось полное преобразование".

Вся эта цитата очень хорошо может объяснить то состояние, в котором постоянно находился святой Серафим Саровский.

Это солнечное свечение святой души еще яснее и красочнее объясняется сиянием нижеследующих мыслей:

"Состояние души в присутствии Бога и ее с Ним соединение есть сладчайшее чувство нашего частного бытия, погруженного в божественное, без всякой примеси чувственного, без всякого воспоминания о земном обладании, чувство внутреннего, полного покоя, со сладостным, произвольным смирением, с радостною преданностью, с глубоким ощущением своей безопасности, своей детской зависимости от благого всемогущества. В этом чувстве нет ничего ни внешнего предметного (objectif), ибо его предмет не вне на нас действует, ни личного (subjectif), ибо мы сами для себя в нем исчезаем; в нем соединяется и то и другое, в какой-то необъяснимой для нас неопределенности, в какой-то неограниченной полноте, ясное, но вместе и непостижимое и невыразимое. Кто испытал подобное, тому конечно все иное становится бесвкусным и нежеланным, но оно не для всех; души избранные или очищенные могут пребывать в этом неизглаголанном состоянии, — но вообще оно есть минутное преобразование нашей души, напоминающее о том преобразении Спасителя, которое совершилось мгновенно на вершине Фавора для избранных апостолов и разлило свет свой на всю их жизнь, прово-

димую у подошвы горы, посреди работ житейских. Иди за Спасителем на вершину горы Фавора, озарись светом Его преобразования, но на ней ты остаться не можешь".

И наконец для всех мудрствующих лукаво Лувиньи оставил поучительную мысль: "Бог философический, на живую нитку сшитый нашим умом из клочков его умственных заключений, есть, так сказать, умственный идол, которому мы поклоняясь, мы поклоняемся сами себе и собственной нашей идее... Вера в Бога может быть только откровенная. Откровение есть живая самобытная очевидность; оно действует на душу без посредничества органов чувственных. Вера есть возвышенный акт человеческой воли: в ней соединяются воедино вышняя, ее дарующая благодать, и человеческая свобода, принимающая благое даяние свыше; соединение обеих необходимо для произведения веры".

Смерть Лувиньи была блаженной. После обычной вечерней молитвы его нашли усопшим, но в течении своей 56-летней жизни он не страдал никаким болезненным недугом. Он как бы перешел из одного мира в другой, или был взят в другой мир, как праведник.

В письме к Н. В. Гоголю Жуковский высказывает такие суждения о смерти: "Смерть только для живых есть зло", — сказал Карамзин. Это — и правда и нет. Правда, потому что мертвые нас теряют, а мы живые теряем мертвых (и чем более было к ним любви, тем горестнее их утрата; чем теснее были с ними узы, тем болезненнее их разрыв); здесь смерть действительно зло для одних живых (то есть для живых оставшихся на земле, а не для живых ушедших за гроб). Можно даже сказать, что отягощение у оставшихся все отдается ушедшим. Для первых видение земное исчезло; место, так мило занятое, опустело; глаза не видят, ухо не слышит, самое сообщение душ (повидимому) прекратилось. Для последних, напротив, все это сделалось непосредственнее, свободнее, теснее: душа со своими земными сокровищами, со своими воспоминаниями, со своею любовью, с нею слитыми и ей, так сказать, укрепленными смертью, переходит в мир без пространства и времени; она слышит без слуха, видит без очей, всегда и везде может сопутствовать душе ее любимой, не отлученная от нее никаким расстройством. Здесь очевидно, что выигрывает сторона мертвых: живым этот язык духовный еще не может быть внят, и то, что по настоящему сделалось более их собственностью, кажется им не существующим, потому что оно им невидимо. Но в то же время смерть есть великое благо для живых, и тем большее благо, чем милее нам был наш умерший. Но это может постигнуть один только христианством прикинутый разум. И какую великую силу приобретает убеждение разума, когда оно становится опытом сердца. Пока мы сами еще не испытали никакой болезненной утраты, мы с умилением слушаем голос Спасителя, исходящий нам из Евангелия, и можем мыслью постигать великое значение человеческой жизни. Но когда над нами самими совершается удар свыше, как иначе делается тогда понятен сердцу евангельский

ЗАВЕТЫ ПРЕДКОВ

ПО БОГЕ ЧТИТЬ ЦАРЯ ЗАКОН
РОССИЯНИНА.

ОЗЕРОВ

голос; уже не в листах книги мы ищем тогда Спасителя, Он Сам нас находит, Он Сам становится к нам лицом к лицу; ценою бедствия покупаем мы лицецерие Бога. Такого земное бедствие в присутствии христианства; без него оно бы раздавило душу; при нем человеческий мрак обращается в утешительный свет Божий".

Второе письмо Жуковского — друга царей — Гоголю посвящено углубленному пояснению каждой фразы молитвы "Отче Наш". Слово святого Киприана, епископа Карфагенского о Молитве Господней нашей более полно объясняет ее. Более сжатое объяснение Жуковского является во многих местах как бы отражением высказанных святым Киприаном мыслей.

И наконец, в третьем письме к Гоголю Жуковский высказывает мысли о роли поэта в жизни. "Спросим: кто же из поэтов вполне осуществил идеал поэта? Ответ самый простой: никто. Еще не один ангел не сходил с неба играть перед людьми на лире и печатать свои стихотворения у Дидота или Глазунова. Но здесь главное не в достижении, а в стремлении достигнуть. Что же, спросят, неужели поэт должен ограничиться одними гимнами Богу и всякое другое поэтическое создание считать за грех против божества и человечества? Ответ простой: не произноси имени Бога, но знай Его, верь Ему, иди к Нему, веди к Нему — тогда, что бы не встретилось на пути твоим откровенному оку, и что бы ни было это встреченное — высокое или мелкое, прекрасное или безобразное, многозначущее или легкое, забавное или мрачное — все оно пройдя через твою душу, приобретает — не изменив в то же время и собственно. Поэт в выборе предмета не подвержен никакому обязующему направлению. Но поэт свободный в выборе предмета, не свободен отделить от него самого себя: что скрыто внутри его души, то будет вложено тайно, безнамеренно и даже противунамеренно и в его создание; если он чист, то и мы не осквернимся, какие бы образы, нечистые или чудовищные, ни представлял он нам, как художник; но самое святое подействует на нас как отравка, когда оно нам выльется из сосуда души отравленной".

В. А. Жуковский пророчески предсказал, за три четверти века такие явления в поэзии, как прелесть А. Блока в его поэме "Двенадцать".

Заканчивается письмо поэмой в пятьдесят стихов, венцом которой является призыв поэта-христианина непоколебимой веры:

Поэт будь тверд! душою не дремли!
Поэзия есть Бог в святых мечтах земли.

Вот духовный облик человека, который был другом императоров Александра Первого и Николая Первого, влиятельным сановником царского правительства и наставником Царя-Освободителя Александра Второго.

АНАТОЛИЙ БОР

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ГОРДЫМ БОГ ПРОТИВИТСЯ

С горькой обидой прочел я статью Д. Иноземова "Наша позиция" в № 1734 "Нашей Страны". Хочу надеяться, что это его позиция, а не газеты.

Он вот пишет: "И если 30 лет назад на территории России был какой-то значительный процент русских граждан активного возраста, помнивших царское время, то сейчас оставшиеся давно на пенсии... Приходится считаться с подсоветским населением. С тем населением, которое благодаря какому-то приспособленчеству в Советском Союзе выжило. Неприспособившиеся — налучшие! — пополнили ряды Новомучеников". И победно заключает, что нам (кому это, нам?) надо им "помочь их советскость преодолеть".

Презрительные слова сии целиком применимы ко мне, поскольку я родился в СССР после революции и царской России не видал. Это мне не помешало быть монархистом, и даже не по прямому влиянию семьи: мрачные стороны советского быта я наблюдал, о прошлом знал из рассказов старших. Больше же всего я обязан книгам (и отнюдь не только русских писателей). Упреки в приспособленчестве — оскорбительны и несправедливы. Особенно, из уст человека, кому, очевидно, жить при большевиках не приходилось! Да, конечно, мы свои взгляды скрывали, и ждали времени. Оно пришло, с войной, и мы взяли за оружие, и свой долг борьбы с советским строем выполнили. О жизни в СССР и о чувствах нашего поколения хорошо рассказывала в своих книгах В. Богдан (с точки зрения г-на Иноземова тоже, должно быть, не вполне полноценная, в качестве "бывшей подсоветской"?).

Не постигаю, в чем состоит ненавистная Иноземову советскость? В опыте советской жизни? Так я рад, что его имею (без него, происходящего в России не понять). В языке, в манерах? Но не пустяки ли это? Впрочем, я смог убедиться в первые же дни эмиграции, что старые эмигранты не умели меня отличать от своих, пока я сам не говорил. Но что ж было позорного, и будь оно заметно (как у иных и было, допустим)?

Чем г-н Иноземов считает себя выше меня (и людей как я)? Почему он уверен, что призван нас учить (чему?!)? Мне его биография неизвестна; не могу судить об его заслугах перед монархическим делом; не знаю, каково его образование, и на чем зиждется его авторитет. В тяжелые годы борьбы, после Второй Мировой, я его имени нигде не слышал; да и потом, — до совсем недавних пор.

Помню зато, что наибольшие надменность и враждебность в отношении нас, новых эмигрантов из СССР в ту эпоху, проявляли обычно наименее образованные люди из старой эмиграции; да еще некоторая часть интеллигентских снобов. Тогда как я множество встречал порядочных людей, подлинно культурных и порою из лучшего общества, совершенно подобным предрассудкам чуждых; как, добавлю, и в других слоях тоже иногда.

Расколу между старой и новой эмиграцией горячо радовались большевики, и они его елико возможно раздували. Годы прошли, — а он все еще прорывается! И с появлением новейшей эмиграции даже обострился. Поистине, никто на своих ошиб-

ках не учится! Как и кого намерен переделывать и перевоспитывать г-н Иноземов? Например, может быть, А. И. Солженицына? И легко бы еще с десяток и более имен назвать, даже ограничиваясь правым сектором; и все ведь лица по уму и по знаниям вряд ли не выше Д. Иноземова, и определенно — известнее его!

Нас, вторую волну, ничему учить оказалось не нужно. "Наша Страна" должна помнить, как ее поддержали, сколько сил в нее влили прибывшие в те лета из СССР бойцы с коммунизмом (и если из них иные и знавали еще царское время, они-то уж во всем были солидарны с нами, младшим, чем они, поколением). Если же г-н Иноземов собирается наставлять и исправлять народ в Советском Союзе, сильно боюсь, что его ждут разочарования. И даже не могу пожелать ему успеха. Его выступление сейчас мне представляется, мягко сказать, бестактным. Жаль, что оно и напечатано. Но это еще полбеды, коли от него своевременно отмежеваться.

О числе и весе монархистов, тем паче антикоммунистов, в СССР не стану тут гадать. Их может оказаться гораздо больше, чем мы думаем. Но уж верно, после краха большевизма, мы там встретимся с героями, активно содействовавшими его опрокидыванию, и с народной массой, сердечно им сочувствовавшей и в какой-то мере помогавшей. И коль скоро мы, возвращаясь домой, начнем на них смотреть свысока и, протягивая им два пальца, сквозь зубы цедить свои указания, то... их нам прием, пожалуй, из теплого превратится в холодный. А, как известно, ложка дегтя портит бочку меда; и за отдельных неразумных людей придется отвечать всей эмиграции целиком. "Наша же Страна" очень жаль, если из органа монархистов в целом, независимо от момента выезда, от возраста или от класса, превратится в орган специфически первой эмиграции (да и то не всей, а лишь известной ее части). Напомню еще, что в старой-то эмиграции имелись такие, которые и И. Л. Солоневича называли "советским хамом" и не могли ему простить черезчур долгого, на их взгляд, пребывания в советской России.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

К сожалению, в данном случае, грубоуважаемый Владимир Андреевич Рудинский стал жертвой досадного недоразумения: Д. Иноземов такой же представитель второй волны, как и сам В. Рудинский — он родился и вырос в подсоветской России. Следовательно о каком бы то ни было "презрительном" отношении первой эмиграции ко второй не может быть и речи.

Мы считаем, что русский народ действительно должен преодолеть налет "советскости". А эту подлежащую уничтожению "советскость" мы понимаем совсем так, как ее определял Владимир Осипов в передовице первого номера самиздатского журнала "Вече". Он писал: "Наше нравственное состояние оставляет желать много лучшего. Эпидемия пьянства. Распад семьи. Поразительный рост хамства и пошлости. Потеря элементарных представлений о красоте. Разгул матерщины — символа братства и равенства во хлеву. Зависть и доносительство. Наплевательское отношение к работе. Воровство. Культ взятки. Двурушничество как метод социального поведения".

Что касается всех других возражений В. Рудинского, то мы предоставляем слово самому Д. Иноземову. (Ред.)

Приходской Совет Воскресенского Кафедрального Собора с прискорбием сообщает о преждевременной кончине

Е. В. П. Высокопреосвященнейшего Архиепископа
А Ф А Н А С И Я

долголетнего настоятеля сего храма
и правящего Архиерея
Аргентинской, Парагвайской и Уругвайской епархии.

Приходской Совет

Союз Святого Князя Александра Невского в Аргентине
с глубокой скорбью сообщает о кончине

Е. В. П. Высокопреосвященнейшего
Владыки А Ф А Н А С И Я,
Архиепископа Буэносайресского и Аргентинско-Парагвайского.

Правление

3-го ноября 1983 г. волею Божией преставился

Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнейший
А Ф А Н А С И Й

Архиепископ Буэносайресский, Аргентинский, и Парагвайский

о чем, с глубокой скорбью, сообщают: Настоятель, Приходской Совет,
прихожане Свято-Сергиевского Храма в Вижа Бажестер и
епархиальная Свято-Сергиевская школа

Иван Никитин

Защитить защитника!

В 1979 году, находясь в Швейцарии, я однажды купил при нашей русской церкви один экземпляр журнала "Русское Возрождение". В нем оказались замечательные статьи: "Поэты-патриоты" и "Корни наши", под которыми стояла незнакомая мне в то время подпись Владимира Самарина. Статьи были написаны удивительно пламенным, ярким языком, и пропитаны чистым русским духом. Бескрайняя любовь к России и ко всему русскому высказывалась в каждой строке:

"Можно всю жизнь прожить за границей, сохраняя верность России, — той вечной России, которая укоренена в нашей истории, в нашей культуре, в нашей Православии".

"... в этом величии России. Верность присяге, данной Царю — символу страны, объединяло и объединило народы ее в единую семью, Россию создавшую".

Вот каким образом произошла моя первая "встреча" с Владимиром Самариним. И сразу захотелось побольше узнать о нем, прочитать какие-нибудь другие его вещи. Я стал перебирать каталоги и нашел две книги: "Тени на стене" и "Теплый мрамор". Я заказал их, а когда получил не сразу прочитал. Откладывал на некоторое время то наслаждение, которое я чувствовал, что они неизбежно мне принесут: не хотелось слишком быстро утратить его. И действительно; я прочел эти две книжечки рассказов с большим увлечением и радостью. Они подтвердили и укрепили первые мои впечатления о писателе В. Самарине.

Время прошло и вот четыре года спустя я узнаю, что против него затеяно грязное дело. Об этом писать не буду, ведь достаточно знать, что клевета идет прямым путем из Советского Союза, из КГБ. Удивительно только, как некоторые люди в свободном мире смогли этому поверить? И страшно, что стали травить человека. Тут вспомнилась моя первая "встреча" с В. Самариним. Вспомнилось, как тепло становилось сердцу, читая его статьи и рассказы. Затем, прочитав некоторые другие статьи (об альбоме "Разрушенные и оскверненные храмы", о слете монархистов в США): впечатление оставалось все тем же — русская эмиграция имеет в лице В. Самарина большого, талантливого писателя-патриота. Есть простые слова, которые не обманывают и вызывают чувства гораздо сильнее всяких замысловатых объяснений и доказательств.

Поэтому я обращаюсь к русской эмиграции, к русской общности с призывом: Владимир Самарин это наш человек! Его жизнь и творчество — чистое служение России! Вот почему мы должны в свою очередь немного согреть ему сердце. Распространяйте его произведения, рассказывайте о нем вокруг себя, пишите ему, собирайте подписи на списках с просьбой о немедленном прекращении всякого дела против него. Одним словом, помогите ему!

В одной из своих статей Владимир Самарин писал: "Нужно понастоящему любить Россию, чтобы сохранить такую верность ей".

Так давайте же мы сохраним верность русскому человеку, блестящему патриоту; поможем ему!

Всю свою жизнь Владимир Самарин защищал Россию.

Защитим защитника!

Иван Никитин

Политический Калейдоскоп

Одним из аргументов — быть может, излишних — в пользу высадки войск США на острове Гренада было утверждение "необходимости восстановления демократии" в этом миниатюрном государстве. Как известно, Англия за последние десятилетия создала немало таких мини-государств на отдельных островах и островках Центральной Америки, которыми она до этого колонially владела. Таким образом, в Организации Американских Государств, до того в подавляющем своем большинстве состоящей из стран говорящих по-испански, было введено немало и англофонских "стран", которые в большинстве случаев занимают совершенно отличную от своих соседей политическую позицию. В этом случае, как и в случае дарования независимости Индии (когда одним из ее условий и было как раз разделение бывшего единого Вице-королевства на Индию и Пакистан, с подразделением последнего на две части, из которых затем одна превратилась тоже в независимое государство), Англия остается верной своей перманентной политике "Divide et impera".

В Латинской Америке (то есть в Центральной и Южной вместе взятых) было обращено особенное внимание на два обстоятельства связанные с высадкой на Гренаде.

Во-первых, была проведена параллель с высадкой аргентинцев в прошлом году на других островах, до 1833 г. принадлежавших Аргентине, а до этого Испании, с длинным рядом сначала испанских, а затем и аргентинских губернаторов. В 1833 году аргентинские власти и население были англичанами насильно удалены с этих островов, что до сих пор не считается в англосаксонском и западно-европейском мире чем-то отрицательным, в то время как ответное применение силы со стороны Аргентины (правда, через 149 лет) для возврата на Мальвинские острова вызвало невероятную бурю протестов, иногда переходящих в крики "гевалт". В случае десанта на Гренаде, ни бури протестов, ни криков не было слышно, так как в современной международной политике прочно укоренился принцип двурушничества, при одновременных ханжеских заклинаниях о "морали, праве и демократии".

Во-вторых, было обращено внимание на попытки Англии даровать Мальвинским островам приблизительно такую же независимость как и другим островам и островкам в Америке, с той разницей, что в этом случае мы будем иметь дело не с миниатюрным, а с микроскопическим государством, так как на Мальвинских островах не больше 2000 жителей.

Провозглашение нового принципа "необходимости восстановления демократии", который до известной степени может быть назван "Доктриной Рейгана" (в противовес "доктрине Брежнев", говорящей о необходимости "восстановления социализма"), дополняет и подтверждает Ялтинские соглашения о разделении мира на две части, с незыблемым сохранением "статус кво" в каждой из двух половин, при полном исключении всех других альтернатив.

П. Н.

3-го декабря 1983 года, в первую годовщину смерти

инженера
КИРИЛЛА ГЕОРГИЕВИЧА ГРОМЫКОв Храме Св. Троицы (Бразиль 315) после всеобщего бедения
будет отслужена панихида

СВЯТО-СЕРГИЕВСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ШКОЛА

В воскресенье 27 ноября 1983 г. в 17 часов состоится школьный акт по случаю окончания учебного года.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

РУСОФОБИЯ СПРАВА

Нам пишут из Нью Йорка:

В русских политических кругах Нью Йорка вызвал возмущение опубликованный журналом "Кадетская переписка" очерк бывшего кадета Владимира Бодиско, озаглавленный "Москва, как много в этом слове..."

Бодиско, ныне непомерно разбогатевший специалист по скотоводству, после очередного путешествия в СССР возвещает: "Откровенно говоря, уезжал я несколько меньше русским, чем приехал. Мне кажется, что Советский Союз все дальше и дальше отходит от России в нашем понимании, становится какой-то новой страной, с устремлениями и идеалами, нам чуждыми. Говорю, конечно, не о политике, а о людях, их мироощущении, духовном складе. Много еще в советских обывателях близких нам черт: доброта, отзывчивость, радушие, склонность к идеализму. Но много и нового, отрицательного, привитого десятилетиями жизни при полицейском режиме: недоверчивость, скрытность, приспособленчество, ура-патриотизм. Мне все время хотелось напомнить собеседникам фразу одного из зачинателей русского революционного духа — Чаадаева: "Прекрасная вещь любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — любовь к истине". Улетали мы на авионе той же швейцарской линии. Среди пассажиров советских граждан почти не было. Как только авион оторвался от взлетной дорожки и начал набирать высоту, в кабине раздались дружные аплодисменты. Люди выражали свою радость возвращению к привычной свободе, освобождению от чувства угнетенности. Мы с женой тоже аплодировали".

Помимо возмущения, опубликование очерка Бодиско — в сущности повторяющего большевицкую ложь о якобы успешном создании нового советского человека на территории бывшей Российской Империи — вызвало в русских политических кругах крайнее недоумение: как мог, до сих пор безупречно патристический, орган Объединения Кадет Российской Империи, поместить материал такого низкого пошиба?

СУДЬБА ЖЕЛЕЗНОГВАРДЕЙЦА

Нам пишут из Нью Йорка:

Чарлз Кремер, еврейский дантист, который судебным порядком добился лишения американского гражданства архиепископа Валериана Трифы, отправился в Израиль, где будет находиться до того времени, пока не убедится, что израильское правительство сможет судить его как военного преступника в самом Израиле.

Архиепископ Валериан, состоящий в епископате Православной Церкви в Америке возглавляет румынскую епархию. Потеряв американское гражданство, он должен был подвергнуться репатриации, но до сих пор не нашлось ни одной страны в мире, которая согласилась бы его принять на постоянное жительство.

Как пишет газета "Джуиш Пресс", Кремер не согласен с тем, что в его случае не имеется достаточного количества улик, чтобы судить архиепископа Валериана по тому же образцу, как судили Айхмана. Однако, в частном порядке, представители американских и даже израильских властей, высказывают сомнения в том, что для такого суда имеется достаточное количество данных. Израиль пока настаивает на том, что единственные серьезные улики, которые действительно имеются — это зажигательные антиеврейские речи Трифы, в бытность его членом Железной Гвардии, что он скрыл от американских властей при получении им гражданства.

Кремер совершенно прав, считая, что если ему удастся привоз архиепископа Валериана в Израиль, то это станет значительным прецедентом для будущих возможных судов над "военными преступниками".

СОКРАЩЕНИЕ "ЕМИГРАЦИИ"

Нам пишут из Нью Йорка:

"Новое русское слово" сообщает, что резко уменьшилась выдача выездных виз советским евреям, а также почти прекратилась эмиграция волжских немцев. Причины этого не совсем ясны, но следует отметить, что со своей стороны, газета "Нью Йорк Таймс" недавно многозначительно указывала: "Число беженцев, принимаемых Америкой из Советского Союза и Восточной Европы, не должно превышать 12 тысяч".

ОЦЕНКА КОНГРЕССМЕНОВ

Нам пишут из Вашингтона:

Отец американского атомного флота 83-летний адмирал в отставке Хаймен Риквер весьма неслестно отозвался о конгрессменах на слушаниях в Конгрессе, посвященных вопросу о грабительских ценах взимаемых с вооруженных сил США поставщиками. Старый адмирал заявил, что, конечно, поставщики обирают заказчиков. "Но главная вина за это ложится не на военное ведомство, а на вас, черт вас подери, — сказал "народным избранникам" Риквер. — Мне больно видеть, что делают с нашей прекрасной страной поставщики и кое-кто из вас, законодателей, которые, вместо того, чтобы работать, занимаются черт знает чем".

Американский Конгресс в 1976 году упразднил Совет по надзору, созданный во время Корейской войны для борьбы с жульничеством в поставках для нужд вооруженных сил.

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИИздатель М. В. Киреев
Редактирует Редакционная Коллегия
Тел. редакции 51-2685

В Австралии вышел журнал "Русский Феникс". Редкий случай: научно-философское издание на русском языке. Статьи на самые различные и интересные темы: археология, философия, психология, воспитание детей, литература, ботаника, парапсихология и другие.

Адрес издательства:

"The Russian Phoenix"
Mrs. V. Nagel
10 Lehmann str. North Plympton
5037 South Australia

Цена с пересылкой 5 ам. долл.

ПЕЧАТЬ

ВЕРХОГЛЯДСТВО

В "Синтаксисе" № 11, в статье "Эмиграция как литературный прием", В. Зиник пишет: "Люди второй волны, послевоенной, не желали знать о своем сталинском прошлом, от которого бежали через заградотряды и смертников. Большинство из них отвергло даже язык как последнюю память о покинутой стране".

Приводить примеры, ссылаться на факты или хоть чужие свидетельства, развязный третьеволновик не находит нужным. Он просто изрекает непоколебимые истины; на деле ни на чем основанные и никакой реальности не соответствующие.

Принадлежит сам ко второй волне и имея в ней обширные связи, отмечу, что ни разу не встречал в ее среде человека, забывшего родной язык (среди старой эмиграции это иногда бывало); даже младшее поколение, вплоть до родившихся за границей как правило, его хорошо сохраняет. Отдельные случаи, теоретически, возможны; но, повторю, я такого не видел, а Зиник, если и видел, то не уточняет.

Зато налицо бесспорный факт, что вторая эмиграция дала многочисленные кадры журналистов и писателей; иные уже умерли, другие и поныне здравствуют. Нет смысла приводить списки: они уже неоднократно составлялись и публиковались. В том числе, один был сделан А. Седых, редактором "Нового Русского Слова", и подвергался обсуждению и дополнениям на страницах "Нашей Страны". Полагаю, что пишущие для печати эмигранты не могут рассматриваться как разучившиеся по-русски! Причем, среди них не мало таких, которые пишут гораздо лучше, чем Зиник.

Что до стремления забыть о прошлом, то и будь у нас такое, оно не легко достижимо. Для Зиника сталинское время — абстрактное понятие; а для нас это были годы юности и детства, к которым память у каждого, наяву и во сне, постоянно возвращается.

В. Р.